

ПЕТЛЯ МЁБИУСА

Совет читателю – никогда не поддавайтесь соблазну записывать заметки о своём прошлом, занятие это не отпустит вас до конца дней, пока рука ещё держит перо или способна нажимать клавиши клавиатуры компьютера.

В своё время, по слабоволю, я не устоял перед таким искушением и измарал некоторое количество бумаги (не считая всего прочего) никому не нужными сочинениями о разных событиях увиденной жизни. В конце каждого этапа этой работы мне казалось, что дело сделано, наконец-то я займусь более достойными темами размышлений, в последнее время – так называемыми *гомоцентрическими* моделями жизнедеятельности общества. Но проходило время, очень часто – весьма малое, и кто-то неведомый снова тащил меня к компьютеру, чтобы продолжить недостойные занятия самоописания.

Чаще всего это происходит следующим образом. Из памяти «всплывает» какой-то жизненный случай или забытая деталь прошлых рассказов, которая начинает приобретать самодовлеющее значение, всё увеличиваясь в своих невидимых размерах, совсем как зерно, попавшее весной в заждавшуюся к жизни почву. И безвольный автор опять начинает оправдываться перед несуществующим

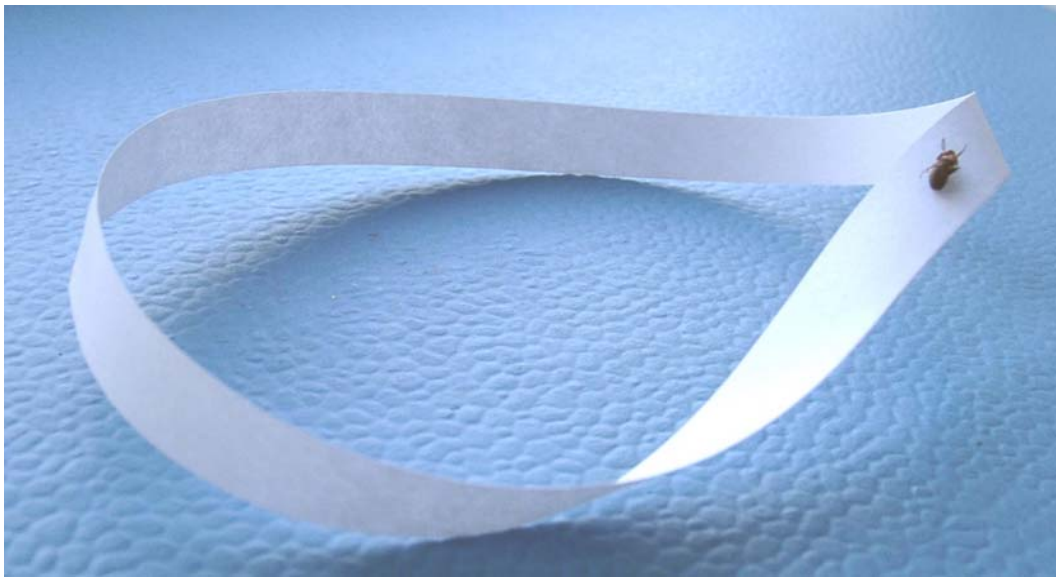
читателем за грех продолжения своей мемуарной эпопеи.

Наверное, мне пора в очередной раз приняться за эту стартовую суету и, для начала, объяснить выбор заголовка этих заметок.

Среди математических дисциплин есть такая наука – *топология*, в дословном переводе с греческого (торос + логос) – наука о месте. Конечно, в заумных теориях имеются в виду места абстрактных объектов, нас же будут интересовать более приземлённые стороны человеческой жизни, хотя и не связанные напрямую с топографией или географией.

Основателем топологии считается немецкий математик XIX века Август Мёбиус, он и придумал «петлю», которая получила его имя.

Математическую игрушку вы легко можете изготовить самостоятельно: нужно взять прямоугольную полоску бумаги и склеить её концы, предварительно развернув один из них на 180 градусов. Чтобы не заставлять читателей искать подходящую бумагу и клей, я проделал соответствующие упражнения, на фотографии показано, что получилось.

А теперь представьте себя маленьким муравьишкой, который долго-долго ползёт по этой «петле», не имея возможности свернуть куда-то в сторону, совсем как человек в реальной жизни, он ведь тоже не может сойти со своего невидимого жизненного пути. Проходит время, и кто-то очень важный спрашивает нашего муравья, на какой стороне петли он находится.

Как я понимаю, ответить очень трудно.

Вот об этой «топологии» и пойдёт у нас речь.

Чтобы не забыть относящиеся к нашей теме разные «сигналы» из прошлого, расскажу одну историю. В 1994 году мы с женой впервые гостили у сына в Европе – жарким летом теперь уже далёко-

го года наслаждались разными прелестями цивилизации в небольшом бельгийском посёлке Арендонк. Значительную часть этих каникул составляли пешеходные прогулки, чаще всего – по окрестностям и полям возле названного поселения. Надо заметить, что сами бельгийцы не признают такого способа времяпровождения – они везде раскатывают на каких-либо механических средствах передвижения. Но за несколько месяцев местные жители привыкли к двум необычным пешеходам и даже не особенно упрекали нас, когда, например, за нами увязывалась более любопытная, чем её хозяева, собака.

Однако случались и перерывы в деловой жизни сына. В таких случаях семейство усаживалось в автомашину и отправлялось в различные парки – места, специально приспособленные для тренировки двигателя аппарата, они устроены практически во всех мало-мальски крупных городках и посёлках Фландрии. Кроме пешеходных дорожек с указателями, вы обязательно обнаружите там загон с неагрессивными животными, вроде оленей, павлинов и козлов (их можно и покормить), детскую железную дорогу, бассейны и прочее. А на более широких аллеях парков попадаются и разные скульптурные изображения.

Вот одно из них и привлёкло моё внимание.

Скорее не внешним видом – это была такая модернистская «рогатина», вроде дуги из чёрного камня высотой примерно два-три метра, а надписью. В доступном мне переводе неизвестный гуманист начертал следующие слова: **«Наша вина перед жертвами политических убийств 1939-1946 годов»**.

Нынешним людям показанные числа мало чего говорят, а я сразу принялся за вычисления. Кого убивали в Бельгии в 1939 году, когда эту страну захватили немцы? И кого в 1946-м, когда уже никаких захватчиков здесь не было?

Да и сам термин *«политическое убийство»*...

Находящимся на отдыхе родственникам не было дела до моих расчётов (всё производилось «в уме»), и я «унёс» необычную надпись с собой, как выяснилось – чтобы уже не расставаться с ней до конца жизни...

И, чтобы закончить «теоретическую подготовку», ещё один рассказ. Много лет тому назад, при первом просмотре замечательного фильма Стенли Крамера «Нюрнбергский процесс», я впервые услышал следующую фразу (вольный пересказ): **«Родина моя, что бы ты ни делала, ты всегда**

права».

Для тех, кто не смотрел этот фильм, вкратце его сюжет. Речь идёт не о Главном суде над нацистской верхушкой. Время действия – 1947 год, и судят немецких судей во главе с министром юстиции Янгом, которые придавали действиям гитлеровцев внешнее обличье законности.

Защитника играет Максимилиан Шелл (комментарии излишни), и цитата со знаменитой фразой в его устах выглядит принадлежащей одному из президентов США времён основания этой республики. В фильме – известный приём убийственно точного адвокатского хода. Но провинциальный американский судья, который ведёт процесс (актёр Спенсер Трейси), не внимает подобным доводам и всё равно приговаривает всех обвиняемых (в том числе – и Янга, понявшего, что он преступник) к длительным срокам заключения. В эпилоге голос за кадром сообщает, что реально все подобные осуждённые вышли на свободу значительно раньше назначенного времени.

Много позже я узнал, что автором патентованного патриотического высказывания является знаменитый американский моряк начала XIX века Стефен Декатур (*Decatur Stephen*, 1779-1820). По-английски фраза выглядит так: **«Our country ...**

may she always be in the right; but our country, right or wrong!», но эти детали не меняют сути дела.

Мы с вами должны просто хорошенько подумать над этими словами.

Наверное, довольно для разминки, пора переходить к основной теме этих заметок.

Значительная часть моей современной жизни проходит у экрана компьютера. И среди прочих достоинств такого занятия, пожалуй даже, — на первом месте, стоит использование электронной почты. Близкорасположенным людям ты, как правило, изрядно надоел. Но вот далёкий знакомый «бросает» с помощью спутника тебе несколько фраз за день, и готова живительная ниточка человеческих связей. Порой — через всю нашу прекрасную планету.

Опять меня унесло в сторону: «электронное» письмо, о котором пойдёт речь и которое положило начало всей этой истории, пришло в сентябре 2001 года не из далёких стран, а всего-то из Питера от моего училищного друга Коли Загускина, я уже не раз поминал его в своих записках:

«...Знаешь ли ты (не писал ли я об этом из деревни и не говорил ли при московской встрече?),

что летом у меня проживал австралиец — Сигизмунд Дичбалис — ленинградский литовец, по контузии и окружению угодивший в плен, работавший там на партизан, попавший к Власову, бежавший, попавший в конце войны в фильтрационный лагерь американский затем советский, заимевший роман с майором-чекисткой, бежавший по её совету в американскую зону («может быть, ты и докажешь свою связь с партизанами, но ты слишком много знаешь для того, чтобы остаться на свободе»), женившийся на немке и уехавший с ней из не любой сердцу Германии в Австралию, где у него была уйма приключений, охватывающих и Новую Гвинею, и где он достиг делового и финансового благополучия — последнее он существенно уменьшил, подкармливая Россию в первые годы перестройки. (Всё это ярко и достоверно описано в его русскоязычной биографической книге, экземпляр которой я постараюсь раздобыть и прислать тебе..

... Так вот, Зигмунд, как мы зовём Дичбалиса, милый остроумный и мобильный человек, хотя ему и под 80. Он пригласил нас с Леной в Австралию на полный, не ограниченный временем пенсион... но хоть долететь-то мы должны всё-таки за свой счёт... а это, увы и ах, совершенно не впи-

сывается в наши скромные накопления. Жаль. Побывав в Австралии (а ранее имели место Америка и Голландия), я бы счёл жизнь состоявшейся... по крайней мере, по статье «Знакомство с Миром»...

Согласитесь, что не каждый день получаешь сообщения о таких людях. Я немедленно «встал в стойку» ожидания интересного знакомства.

Забегая несколько вперёд, процитирую и другое письмо Загускина, в котором он сообщает о намерении поставить документальный фильм по истории незаурядного человека:

З а я в к а

**на документальный фильм «ДУБОВ»
(«Маленький осколок большой войны»)**

Александр Дубов – псевдоним Сигизмунда Дичбалиса, партизанского разведчика и связного, при его нахождении в лагере военнопленных, а затем в «антипартизанском» отряде Феофанова. Он похищал и передавал партизанам штабные немецкие документы, предназначенные для уничтожения, он предупреждал о передвижениях «антипартизанского» отряда, о планируемых карательных операциях. Он с величайшим риском

передал записку от партизан попавшему в плен генералу Власову во время его короткого пребывания в Штабе 18 Армии – для интервью с ген. Линдеманом. Зачастую псевдонимы в разведке не случайны. «Александром» он был назван потому, что так (точнее – Сашкой) его называли в школе, в спортклубе, на заводе – то есть все и всегда в довоенной ленинградской юности. «Дубовым» – потому, что разговор этот, то ли с командиром партизанского отряда, то ли с начальником разведки, происходил в дубраве, а герой наш, – невысокий, но крепкий, спортивный, твёрдый в убеждениях и уверенный в своих силах, – чем-то напоминал молодой дубок... После всесторонней проверки ему приказали вернуться в лагерь, где он может принести больше пользы, чем в отряде.

Сейчас ему 80, он уже не дубок, а кряжистый дуб, твёрдо стоящий на земле, но, к сожалению, не на русской, а на австралийской земле, – он один из скитальцев, унесённых на чужбину злыми, неразборчивыми ветрами войны.

А ведь он истинно русский – русский душой и сердцем, русский по месту рождения, по языку, по воспитанию. Литовская у него только фамилия, доставшаяся в наследство от отца, красного командира Анатолия Дичбалиса, погибшего при за-

гадочных обстоятельствах, когда сыну было полгодика. Вот штрихи его биографии в объёме, приемлемом для заявки.

В 13 лет Зигмунд осиротел (Зигмундом называла мама, так поименован он в австралийском паспорте, так и мы будем его называть). Воспитывали Зигмунда школа, улица и соседка по квартире-коммуналке – учительница, по счастью втиснувшая немецкий язык и в своего внука. Особую роль в его жизни сыграл спорт. Тренер Евгения Трубач зазвала в гребной клуб, посадила на байдарку-одиночку, организовала вечерний приработок в том же клубе, стала второй мамой (останавливаемся на этом столь подробно потому, что именно в детстве закладываются основы характера, а ещё потому, что нами отснят трогательный эпизод встречи нынешнего Зигмунда с Евгенией Трубач). Произошло нечто феноменальное: на первых же квалификационных гонках новичок финишировал первым, обогнав именитых спортсменов! Выиграл он и первенство города. Несомненно, он стал бы мастером спорта, быть может, чемпионом страны, но пришла война.

В войну Зигмунд въехал на мотоцикле, это в самом буквальном смысле. Окончив школу, он устроился на Ленинградский мотоциклетный завод,

обкатчиком. В воскресенье 22 июня принял участие в традиционном городском мотокроссе. На дистанции был «на полном скаку» остановлен – война!.. На следующий день два обкатчика, Дичбалис и Бюлер (его мы тоже увидим в фильме), явились в военкомат – записываться в добровольцы.

Через несколько часов (даже не успев принять Присягу), оба выехали на мотоциклах, конфискованных у населения, к месту назначения – связь была никудышной, штабы переписывались между собой и со своими подразделениями с помощью посыльных мотоциклистов. Фронтовые дороги, изрытые воронками и усеянные трупами и подбитой техникой... Полная неразбериха – где свои, где немцы... Контузия от упавшей вблизи гранаты, и несколько суток без сознания в немецком госпитале.

Не добили на месте лишь потому, что он вёз шифровку, и была надежда что-то от него узнать. Но что можно узнать от солдата-посыльного. Попал в лагерь военнопленных. По дороге узнали, что он владеет немецким языком. Это дало возможность выжить и некоторую свободу, полезную для достижения единственной цели – бежать к своим, для начала к партизанам.

С ними он сумел связаться через местных жителей. Встретился... и получил задание, надолго превратившее жизнь в ежеминутную игру со смертью. Работал на партизанскую разведку в течение двух лет. В конце 1944-го антипартизанский отряд Феофанова, так и не сумевший всерьёз повоевать с партизанами, получил приказ влиться в армию Власова, формирующуюся в Германии.

При передислокации связь с партизанской разведкой была утрачена, все решения в дальнейшем пришлось принимать самому. Так Дичбалис попал в солдаты РОА.

Формировавшаяся в немецком тылу армия Власова не спешила на фронт. Верующих в идею освобождения страны «от кровавого тирана Сталина и от большевизма» было довольно много, но ведь за этим стояла неприемлемая необходимость стрелять в своих. Поэтому гораздо больше было тех, кто записался в РОА не по идейным соображениям, а спасаясь от голодной смерти в фашистских лагерях. Очень многие надеялись перебежать к своим. В последующем они были охлаждены документально подтверждёнными рассказами о пытках и казнях власовцев-перебежчиков.

Единственное спасение виделось в отходе на

Запад и сдаче англичанам и американцам Зигмунд попал в американский пересыльный лагерь, а затем, – по известной договорённости Сталина с союзниками, – в концлагерь в советской оккупационной зоне. Совесть его была чиста, он надеялся доказать, что никогда не изменял родине. Вozил на автомобиле всесильную лагерную даму – майора «СМЕРШ». Установились близкие отношения, и она сказала в подпитии: «Саша, связь с партизанами трудно доказуема, никто не станет разбираться. А видел и слышал ты слишком много. Тебе нельзя домой!».

В поисках хоть какого-то выхода, Зигмунд бежал из лагеря и перешёл границу американской зоны. (С.Д.: «Стой! Стой! – раздалось за моей спиной. Несколько коротких очередей срезали кусты вокруг... Отойдя метров на сто, я остановился, повернулся и посмотрел на «ту» сторону. Там были «мои»... ненавидящие меня за то, что я выбрал из двух зол меньшее... Пусть они ненавидят таких, как я, в своём, может быть, временном ослеплении, но всё же они СВОИ!.. Мы принадлежали бы той стороне даже в Гулаге, куда нас бы сослали, если б не расстреляли до этого, мы были бы словно в своей семье, хотя и с плохими родителями... у меня стоял ком в горле, и что-

то вроде слёз стекало по грязным щекам»...).

Зигмунд работал где попало. Голодал. Подворовывал у американцев кофе и обзавёлся старым мотоциклом. По любви женился на немке (счастливо женился – уже 55 лет, как вместе). Успешно начал фотографировать, организовал небольшое фотоателье. Дела пошли на лад. Но возникли конфликтные отношения с местными немцами – набил морду двум наглецам. К тому же его стала вербовать американская разведка. Решили уехать. Хотели в Канаду, но по случаю попали в Австралию, о чём никогда не пожалели. Чернорабочий в Австралии... Бармен в Новой Гвинее... Потом, там же, фотограф, кинооператор, организатор туристских поездок, инструктор по стрельбе в отряде самообороны... Снова Австралия, но теперь он домовладелец и живёт на скромные доходы, вложив в банк, что удалось накопить. Появились и выросли дети и внуки...

После Чернобыля Зигмунд принял и выходил 25 украинских и белорусских детей, переписка и встречи с некоторыми продолжаются и по сей день. В начале 90-х, когда перестали пугать прогнозы той самой дамы из «СМЕРШ», Зигмунд полетел в Германию, приобрёл огромный грузовик, набил его продовольствием и другими гуманитар-

ными грузами и привёз всё это в Россию. Всё было роздано из рук в руки, как частным лицам, так и госпиталям. Зигмунд стал прилетать на родину почти ежегодно, отыскал всех однокашников по школе, отыскал тех, с кем посещал спортклуб и обкатывал мотоциклы и нашел, наконец, некоторые подтверждения своей работы на партизан (один из поисковых эпизодов – поездка в Сиверскую – нами отснят). В 1995 г. в Санкт-Петербурге вышла автобиографическая книга Дубова-Дичбалиса, в которой живо и предельно искренне описаны причудливые зигзаги его судьбы. Станет ли человек с запятнанной совестью, человек, совершавший во время войны неблагоприятные поступки, издавать подобную книгу, указав своё подлинное имя и поместив свой портрет военных времён?!..

Благодаря этой книге мы и познакомились с нашим героем, в шестой раз прилетевшим в Россию в мае 2001 года. Он крепок, подтянут, улыбочив и не тщеславен, – сниматься согласился лишь потому, что правдиво рассказанная судьба даже одного человека – это вклад в правду о войне.

Итак, наш фильм – о судьбе вынужденного эмигранта, о судьбе человека, много раз попадавшего в драматические ситуации. О его мыслях

и чувствах. О его отношении к родине и к своему патриотическому и гражданскому долгу. О его жизненной стойкости, деловитости, умении бороться и добиваться успеха. И, конечно же, наш фильм – о правде войны, о трагической судьбе многих и многих, попавших в плен не по своей вине, не по своей воле, и огульно объявленных «изменниками» бесчеловечным сталинским приказом № 270.

В нашем распоряжении 6,5 часов профессионально отснятого видеоматериала, – это натурные и интерьерные съёмки в период трёхмесячного пребывания Сигизмунда Дичбалиса в Петербурге, в том числе впечатляющее полуторачасовое интервью с нашим героем. Подобрана отечественная и зарубежная фильмотека. Дичбалис готов предоставить для фильма принадлежащие ему архивные материалы, связь с ним поддерживаем по E-mail.

Н. Загускин – киносценарист, член СК
П. Солдатенков – кинорежиссёр, член СК
ноябрь 2001г. Санкт-Петербург

Но это всё Колино видение главного героя этого рассказа. А я принялся знакомиться с необычным австралийцем с помощью компьютера и установ-

ленных на нём программ электронной почты (E-mail или «Емеля» – на соответствующем жаргоне).

Наверное, эпистолярный способ общения людей заслуживает отдельного исследования. Недаром наборы писем давно ушедших от нас корреспондентов и до сей поры вызывают интерес читателей, уже полностью лишённых возможности увидеть самих авторов давних посланий. Но «электронная» переписка занимает особое место в этом роде занятий. Где вы, гусиное перо, длительные вечерние раздумья над текстом послания, сургучные печати и ямщики, месяцами тащившиеся от одной станции до другой? Удобное нажатие трёх десятков клавиш, и тут же родившаяся мысль (точнее – её закодированная запись) преодолела с помощью спутника тысячи километров и предстала на экране в другом городе, а то и вовсе на другом конце света. Среди прочего, такая скоротечность обмена не даёт этой «мысли» испортиться и потерять свой естественный «аромат», её, как правило, не «шлифуют» и не сглаживают в более спокойной обстановке обычного почтового обмена. По виду такого послания на экране, оставленных в спешке ошибках текста и самой быстроте реакции корреспондента вы многое можете узнать о нём. Как и в обычной «живой» беседе: ведь

очень часто в ней имеет большое значение даже не само слово, а **как** оно сказано.

Вся эта моя тирада, конечно, не относится к деловой переписке здравомыслящих «сухих» людей, наш случай совсем иного рода.

Началось всё с обращения. Я терпеть не могу нынешнего, перенятого у американцев «собачьего» именования людей только по имени, да ещё и сокращённого для экономии букв и звуков. И первое письмо к новому знакомому начал по всем правилам: «Здравствуйте, Сигизмунд Анатольевич!». Фраза эта вызвала бурное негодование в Австралии, впредь и в этом тексте я стану именовать своего нового приятеля Зигмундом, так его в детстве называла мама.

Потом в нашей переписке обнаружилась масса других любопытнейших деталей подобного рода в именованиях людей, учреждений, животных, денежных знаков и прочего. Зигмунд полвека «варится» в совсем иной языковой среде, а это никогда не проходит даром: мысли человека всегда связаны со своей внешней звуковой «одежкой». Но я удержусь от соблазна приняться за рассуждения на эту тему, они уведут нас слишком далеко от темы и так не очень простого рассказа.

Почти одновременно с первыми письмами от

Зигмунда, я вошёл на его сайт («публичный ящик») в Интернете, переписал на свой компьютер уже помянутую выше книгу воспоминаний и принялся форматировать её по-своему, так я поступаю со всеми мало-мальски значительными для меня публикациями. Со стороны это нудное занятие может показаться излишним. Но для меня многократное «пережёвывание» каждой фразы, анализ её синтаксиса и прочие моменты рутинной работы помогают не пропустить главного и важного в сочинении другого человека. Увы, работа разных редакторов и корректоров играет в этом деле ту же роль, что и непрошенные слои лишней краски на полотнах великих мастеров прошлого. При обнаружении следов подобной деятельности приходится додумывать, какой была фраза в исходном «нелитературном» виде. Что совсем не всегда удаётся сделать. Но и такая душевная работа, как правило, не пропадает даром.

Бесхитростная книга Зигмунда потрясла меня.

Вместе с автором я снова оказался в проклятом лете сорок первого и всех последующих событиях Великой Войны, увиденных с совсем непривычной точки зрения – «сзади» немецкого фронта.

У нас их очень не любили показывать – немец-

кие съёмки растерянных, «растерзанных» и подавленных, небритых и грязных красноармейцев, которые бросают в кучу свои допотопные мосинские винтовки и отходят в сторону, чтобы построиться в колонны пленных под прицелом сытых немцев со «шмайстерами».

Равно как показывать карты военных действий той поры и просто возвращаться к событиям трагического прошлого. Чего стоит только история книги Некрича «22 июня 1941 года».

Не только в «открытой» литературе, но и на лекциях по истории Войны в училище фактические подробности «внезапного» нападения немцев и наших потерь того времени комментировались крайне неохотно. Вплоть до размеров этих людских потерь — сколько миллионов? (Про сотни и десятки тысяч, и, тем более, — отдельного человека вспоминать не принято).

И ясно почему — уж больно серьёзные темы придётся обсуждать при таких уточнениях.

Поскольку в нашем рассказе никак не обойти этой глыбы, придётся на время бросить якобы лёгкий тон персональных записок и поговорить о некоторых общих проблемах отечественной истории. Точнее — пояснить авторские представления об этих проблемах, и так, чтобы читатель не по-

думал, что мне известна истина в последней инстанции.

Человеку, который получил образование в советские времена, и прожил в этих временах большую (добавим — и лучшую) часть своей жизни, ой как непросто составить упомянутые выше неискажённые представления о современной истории. Всепроникающая пропагандистская ложь, прикрываемая опорой на «единственно верную» марксистскую теорию, в каждом из нас сделала свое подлое дело. Но нет в мире действия, которое не породило бы встречных: смотри диалектику. Каждый «советский» не спившийся — в широком смысле — человек вырабатывал свои приёмы ориентации в не совсем чистых потоках окружающей жизни. Например, для меня непререкаемым источником достоверных сведений являются *только* личные наблюдения.

Вот тебе сотни раз талдычат: «Внезапное нападение, внезапное нападение, внезапное нападение...», — это про 1941 год. Но ты сам видел чуть ли не каждую ночь колонны солдат, идущих на запад по Фоминской дороге в конце мая и начале июня указанного года (для справки — речь идет о деревне, расположенной в 60 км к востоку от Москвы, мощёная дорога параллельна Горьковскому

шоссе, только южнее железной).

А посему, возвращаясь в проклятый год, который разрезал и нашу мальчишечью жизнь на две части, не будем больше говорить про «внезапность», и займёмся более тяжеловесными явлениями.

Можно по-разному относиться к Солженицыну, но в его речи при получении Нобелевской премии больше всего импонирует ключевое слово «ложь».

Врали наши вожди, трубя с 1936 года, что «революция» победила окончательно и бесповоротно. Насчёт *бесповоротно* нам – современникам нового века – всё ясно. А вот подумаем о всех «белых» и «кулаках», которых безжалостно (и уж, конечно, – бездумно) давила «пролетарская» власть. Не бывает социальных явлений масштаба Октябрьского переворота 1917 года в России, о которых можно забыть через 20 лет. Скоро исполнится сто лет, а и сейчас нет-нет да гроыхнёт.

Что же говорить, например, про казаков, которые знали не только расстрелы времён Гражданской войны (очень часто – подлые, после обещаний отпустить с миром при сдаче). В 1932 году восставшую против коллективизации станицу Полтавскую в буквальном смысле стёрли с лица земли, расстреляв всех 10 тысяч жителей (от

председателей и секретарей до младенцев) и распахав место, где она стояла.

Не станем повторять рассуждения и о бездарных военачальниках разного ранга, которые составляли большинство советских командных кадров той поры в результате безумного сталинского террора (заодно почитайте истории *всех* революций). По моему разумению, именно в этой – глубинной – порче нашего общества после 1905-го и 1917-го года нужно искать ответы на ту смертельную тоску небритого, оборванного, грязного и голодного русского солдата, который бросал винтовку без патронов к ногам немца. Тоже – ещё ничего не знающего про 1945 год, и – скорее всего – не дожившего до этой вехи всемирной и германской истории.

Чёрт возьми, ведь я сам не смотрел в эти глаза, только опосредованно – мельком и в кино.

И вот, хаотические зигзаги современной жизни привели к знакомству с живым свидетелем того времени. Сначала заочному, а потом и посерьёзнее: в письмах мы заговорили с Зигмундом о поездке к нему в гости в Австралию.

Я тут же схватился за расчёты из полузабытой сферической тригонометрии и определил расстояние между Новосибирском и Брисбеном по дуге

большого круга – 13638 километров. Но не эти километры, австралийская экзотика, визы и доллары были главным в диспозиции героев данного рассказа.

Время. Жестокое и беспощадное. Не поддающееся возврату и пересмотру.

В таких случаях мне всегда вспоминаются слова профессора-гидрографа Андрея Петровича Белоброва на вводной лекции по мореходной астрономии: «Главное свойство Времени состоит в том, что Прошлое, Настоящее и Будущее находятся в единожды заданном и неизменяемом соотношении». Господи, а мы-то думали, что старик понимает только в своих формулах...

Кажется, я слишком «ударился в философию», вернёмся к прозе современной жизни.

А проза эта состояла в том, что я всё больше забрасывал работу над своими моделями и занимался попытками добраться до Австралии, где – по большому счёту – мне был интересен всего лишь один человек. Однако если я возьмусь в этом сочинении докладывать читателю, как с помощью Зигмунда девять месяцев добывал австралийскую

визу, а потом добирался до удалённого материка, рассказ мой уведёт нас слишком далеко от главной темы. Тем более что таких рассказов про дикинские путешествия в наше время – пруд пруди. А посему предлагается «перепрыгнуть» – на манер кенгуру – через эти бытовые экзотические детали и оказаться вместе с автором в аэропорту Сиднея в тот момент, когда к нему (автору) подошёл невысокий коренастый человек в синей каскетке и произнёс следующие слова: «Господин Брыскин, что Вы здесь делаете?»

Началась моя австралийская жизнь, а точнее – попытка разобраться, на какой стороне своей петли Мёбиуса я располагаюсь.

В этом месте рассказа следует сделать небольшое «техническое» отступление.

По своим привычкам к общению с внешним миром – теперь, наверное, уже навсегда – я останусь программистом, то есть составителем программ для электронных вычислительных машин (ЭВМ). Это замечательное занятие предполагает, в частности, использование однозначно «понимаемых» обеими сторонами правил составления текста (кавычки относятся к ЭВМ, ведь это – всего лишь очень сложный искусственный идиот).

Насчёт однозначности в понимании, с людьми этого, как правило, достигнуть не удаётся. Но вот такой момент, как «ветвление алгоритма», нам предстоит сейчас осмыслить и применить на практике.

Если я сейчас начну рассказывать про путешествие в Австралию, то главная тема этих заметок: используя напыщенные приёмы речи, — ***Родина и отдельный Человек***, окажется совсем не на том месте в поле вашего внимания, где ей положено быть. Поэтому предлагается здесь больше особенно не возвращаться к экзотической стране. В утешение сообщаю, что, побегав с цифровой камерой по разным местам Австралии, дома я засел на несколько месяцев перед компьютером и написал отчёт под названием «Моя Австралия», добраться до него можно, используя реквизиты автора, помещённые в конце этой книги.

Однако, и на этом «операторе» или «метке» (термины из программирования) процесс ветвления данного сюжета не заканчивается.

Так получилось, что моя «австралийская жизнь» и главное в ней — знакомство с Зигмундом — разделились на две, примерно равные по времени, части. В течение первой из них мы путешествова-

ли по стране, то есть находились совсем рядом в домах наших друзей или уж только вдвоём: на «даче» (загородном «поместье» на берегу озера Валагут) или в кабине джипа.

И всё это время шёл сложный процесс взаимного узнавания совершенно *разных* людей. Я просто не способен здесь даже перечислять упомянутые различия, и, тем более, — проанализировать их. Чтобы как следует сделать это, придётся написать ещё одну книгу, что и намерен сделать (не люблю обещания, очень просто можно оказаться трепачом и обманщиком, и не по своей воле).

А в этом тексте, чтобы обозначить упомянутое ветвление сюжета, расскажу об одном из вечерних разговоров с моим другом, где мы — по его настоянию — последний раз принялись за «власовскую» тему. Следует заметить, что к этому периоду нашего знакомства я уже понял, что задавать любые существенные вопросы про соответствующий период жизни Зигмунда не следует. Во время предыдущих попыток я уже получал такие «жуткие» ответы в стиле худших образцов «западной» пропаганды, что удержаться от словесных «драк» можно было, только полностью мобилизовав жидковатые запасы собственной выдержки.

Окончательное убеждение в бесплодности по-

добных разговоров пришло ко мне во время просмотра видеозаписей с пробами фильма о Зигмунде (затяг упоминается в начале этих записок). Снимающий (он находится за кадром) начинает спрашивать Зигмунда о любви к Родине, чувствует ли тот себя русским и далее в том же роде. И хотя мой друг достойнейшим образом отвечает перед камерой (а ещё больше — в жизни) на эти ненужные вопросы, я готов был провалиться сквозь землю со стыда за такие действия устроителей съёмок...

Извините, совсем «сбил с курса», моё дело — рассказать про собственные «идеологические» диспуты с бывшим «власовцем». Но в данном случае и я забыл про остатки выдержки и просто-го житейского здравого смысла и нарисовал на листке бумаги следующую «формулу»:

Фашистская Германия + Гитлер ⇔ СССР + Сталин

И на словах было добавлено, что для любого человека (в зоне данного конфликта, да и сейчас, спустя 60 лет), по моему разумению, ничего другого просто не дано. Даже среди знаков формулы посередине ни для какого «третьего» нет места.

Зря я писал эту «формулу». Мой друг помрачнел, разорвал в клочья бумажку, и некоторое время вообще не разговаривал со мною.

Потом мы неоднократно возвращались к событиям военного времени в очень откровенных разговорах, но с болезненной темой событий, которые связаны с именем бывшего генерал-лейтенанта Красной Армии Андрея Андреевича Власова, я остался один на один.

Чтобы читатель, не дай Бог, потратил зря время на последующее чтение, должен сделать ещё одну оговорку, она, безусловно, важна для «алгоритма» нашего повествования.

Многие годы для всех нас довольно было представлений о Власове и его «движении», которые сформулированы в статье Большой Советской Энциклопедии (БСЭ изд. 1970-77 г.г.):

Власовцы, предатели Советской Родины, участники антисоветских воинских формирований, действовавших на стороне фашистской Германии во время Великой Отечественной войны. Название получили по имени генерал-лейтенанта А.А.Власова, бывшего командующего 2-й Ударной армией Волховского фронта, который, сдавшись в плен в июле 1942, перешёл на службу к гитлеровцам.

В мае 1945 остатки частей В. были ликвидированы

на территории Чехословакии, Власов и его сообщники захвачены в плен и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 1 августа 1946 казнены.

(Как и у всех небольших заметок в БСЭ, подписи автора здесь нет.)

Если и сейчас для вас довольно этого, вроде бы исчерпывающего, определения, говорить нам больше не о чем.

Для тех, кто продолжает чтение, две справки.

Летом и осенью 1941 года в плен к немцам попало около ЧЕТЫРЁХ миллионов человек (точной цифры не знает никто). По разным оценкам, от 80 до 90 процентов из них погибли в первую военную зиму.

Попадали в плен и в последующее время, вплоть до мая 1945 года.

Согласно тогдашним советским законам, все эти люди считались предателями Родины, а их семьи – подлежащими разным притеснениям.

Второе громадное число для размышлений. На стороне немцев воевало круглым счётом около ОДНОГО миллиона человек из числа советских

граждан.

Вот пример такой «статистики»:

«В результате трудной статистической работы – военные части часто умалчивали о численности добровольных помощников – установлено, что в июне 1943 года имелось больше 600 тысяч добровольных помощников и 200 тысяч солдат в добровольческих частях. Это был значительный резерв, из которого в любой момент, как только последовало бы разрешение, могла бы образоваться Освободительная армия. На самом деле цифры эти занижены – так как в добровольческих частях служило не 200 тысяч, а больше 600 тысяч человек. Кроме того, нигде не отражено количество людей, находившихся в казачьих частях, украинских, белорусских, грузинских, армянских, калмыкских легионах. Таким образом, правильно утверждение Власова, что больше миллиона жителей России стояли уже под ружьём против Сталина». (Свен Стеенберг. Власов. Русский перевод. Изд-во Русский Дом в Мельбурне. Австралия. 1974, с. 120.)

Как вы узнаете позже, Власов пытался объединить всех этих вольных и невольных пособников немцев в единую армию (в основном – в речах и декларациях, иного ему было не дано). Ничего из этого не вышло. В действительности, под его номинальным командованием (весьма относительным, настоящими хозяевами, конечно, были немцы) с конца 1944 года находились войска, численностью несколько десятков тысяч человек. Бое-

способной из них была только одна 1-я дивизия РОА (Русской Освободительной Армии, как себя именовали власовцы, по немецкой терминологии – 600-я пехотная дивизия (русс.)). Эта дивизия вела боевые действия против наступающей Красной Армией в течение *двух* дней – 13 и 14 апреля 1945 года.

Диверсантов, которых готовил и использовал *абвер* (немецкая военная разведка) под формальным прикрытием Власова, правильнее отнести к первой группе помощников немецких оккупантов, Власов и его сподвижники отношения к ним практически не имели.

Всю эту «арифметику» я привёл для сопоставления сведений из БСЭ с фактами реальной действительности.

Очередная «остановка».

После приведения некоторыми авторами статистики, наподобие процитированной выше, следует вопрос – а можно ли называть предательством и изменой то, что происходило в *таких* масштабах?

Не ждите от меня подсказок или выводов, решать задачу нужно самим. Лучше не вслух и не с трибуны: это случай, когда любое произнесённое

слово – ложь.

Продолжим «отталкиваться» от статьи БСЭ.

А там продолжают иносказания и враньё. Например, что такое *«ликвидированы остатки частей»*?

Забегая вперёд, если говорить про казаков, которых автор статьи причислил к власовцам, то их действительно перестреляли вместе с женщинами и детьми. Поубивали немало и служивших у немцев во вспомогательных подразделениях и – в апреле 1945-го – солдат РОА («под горячую руку», русского человека в немецкой форме в плен не брали), остальные погибали уже в сталинских лагерях.

Попавшие в немецкий плен и не совершившие ничего иного против своей страны Иваны Денисычи получали по «десятке». Бывшим власовцам, как правило, давали 25 лет.

Согласитесь, во всём этом есть над чем подумать.

Однако вместе с автором вернёмся в австралийский город Брисбен, на первый этаж дома, где меня поселили среди массы предметов культуры

аборигенов, вывезенных моим другом с Новой Гвинеи. Все эти ритуальные маски, копья, стрелы и прочие диковины смотрели на меня с разных сторон, как бы ожидая, что станет делать невесть какими судьбами попавший сюда человек.

Первым делом я пошёл в находящуюся рядом комнату, где находился компьютер и книжные полки. Большая часть содержимого этих полок относилась к прошедшей Войне...

Напрасно я сказал, что судьба оставила меня наедине с «власовской» темой. Со мной были книги, я не зря назвал их друзьями в каких-то предыдущих заметках.

«Заболев» темой этого очерка, ещё дома, в России, прочитал достаточно объёмное сочинение Н.М.Коняева «Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды». Но пока это была единственная попавшаяся мне книга на когда-то запретную у нас тему. Здесь же, в Австралии, таких книг было несколько десятков.

Наверное, большинству читателей знаком азарт золотоискательства. Со мной приступы этой «болезни» случаются всякий раз, когда в руки попадают бесценные – с моей точки зрения – книжные богатства.

После наведения справок по электронной почте, выяснилось, что большей части заинтересовавших меня книг нет даже в самой большой библиотеке Новосибирска (Государственной научно-технической библиотеке СО РАН).

В моём распоряжении были примерно 40 суток времени, полтора десятка томов (один – почти в тысячу страниц) и компьютер со сканером.

С разрешения хозяина я отобрал несколько книг на русском языке для создания полных электронных копий, из остальной литературы следовало оставить справочные сведения и выдержки самых интересных мест. Не особенно представляя себе дальнейший ход работы, я принялся за её начало, справедливо полагая, что дело само подскажет следующие шаги.

Пожалуй, никогда до и после этих полутора месяцев я не жил такой странной жизнью.

Вокруг была спокойная, в высшей степени привлекательная и интересная страна. Я носился (выражение условное, подвижность моя желает лучшего) по улицам её городов, изо всех сил стараясь запечатлеть разными способами увиденное. Но любой маршрут и любая тема наблюдений кончалась переносом во времени на 60 лет назад, в холодное и голодное военное время.

Мучения, связанные с этими «переносами», усиливались тем, что находящийся рядом живой свидетель того времени (к которому я привязывался всё больше и больше) говорил совсем не то, что мне было интересно, а точнее, – то, что я никогда бы не стал слушать от какого-то другого человека.

Всё. Кончаем с эмоциями.

В научных публикациях, с которыми мне приходится иметь дело последние десятилетия, в конце обязательно помещаются списки литературы. Но в нашем случае прочитанные автором книги на «власовскую» тему выходят на первый план повествования. И по этой причине не следует перемещать их список куда-то на задворки.

Давайте посмотрим (не смущаясь совсем «нелитературными» деталями оформления перечня, там действуют свои правила) список прочитанных мною книг:

1. Н.М.Коняев. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. В серии «Военные тайны XX века. Изд. «Вече». М., 2001, 462 стр., ISBN 5-7838-0890-3. 7000 экз.

2. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиг-

рации. Сборник статей и документов. Составители: В.С.Карпов, А.В.Попов, Н.А.Троицкий. Под общей редакцией А.В.Попова. Вст. статья А.В.Попова. М. РГТУ. 1997. – 376 стр. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. II).

3. Протоирей Александр Киселев. Облик генерала А.А.Власова (записки военного священника). Книгоиздательство «Путь жизни», США. 208 стр. Год издания не ясен.

4. То же. Второе дополненное издание. 227 стр.

5. Финкельштейн Ю.Е. Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие... (Проклятые генералы). – СПб: Журнал «Нева», 2001. – 384 стр., илл. ISBN 5-97516-220-1. 1000 экз.

6. Константин Черкасов. Генерал Кононов (ответ перед историей за одну попытку). Том I. 1963. Издание автора. Мельбурн. 200 стр.

7. Константин Черкасов. Меж двух огней. Исторический роман. Книга II, часть вторая, часть третья. Издание автора, ротапринт (типография Г.А.Павлова, Данделонг, Виктория, Австралия, обложка худ. С.А.Зезина). 1987. 415 стр.

8. Константин Черкасов. Меж двух огней. Исторический роман. Книга III, часть третья. Издание

автора, ротاپринт (типография Г.А.Павлова, Данделонг, Виктория, Австралия, обложка худ. С.А.Зезина). 1988.

9. Catherine Andreyev. Vlasov and the Russian Liberation Movement (Soviet reality and émigré theories). Cambridge Universite Press . 254 p.

10. Екатерина Андреева. Генерал Власов и Русское освободительное движение. (Перевод с английского). 370 стр. ISBN 1-870128-71-0.

11. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945: Русская освободительная армия: -- М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 64 с., 9 цв. ил. – (Военно-историческая серия «СОЛДАТЪ»). 5000 экз.

12. Й.Хоффманн. История Власовской армии. Перевод с немецкого Е.Гессен. Исследования новейшей русской истории. 8. (Под общей редакцией А.И.Солженицына). Париж. 1990. 379 стр.

13. А.В.Окороков. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М.: «Русаки». 2001. – 539 стр., илл. – 48 стр. ISBN 5-933447063-5

14. Материалы по истории освободительного движения народов России (1941-1945). Изд. Союза борьбы за освобождение народов России (С.Б.О.Н.Р.). 1970. 79 стр.

15. Материалы по истории русского освободительного движения 1941-1945 г.г. (Статьи, документы, воспоминания). Под общей редакцией А.В.Окорокова. Выпуск 1. – М.: «Грааль». 1997. – 416 стр.

16. Материалы по истории русского освободительного движения 1941-1945 г.г. (Сб. статей, документов и воспоминаний). Под общей редакцией А.В.Окорокова. Выпуск 2. – М.: Архив РОА. 1998. – 480 стр.

17. Материалы по истории русского освободительного движения 1941-1945 г.г. Выпуск 3. П.Н.Палий. От серпа и молота к Андреевскому знамени. – М.: Архив РОА. 1998. – 894 стр.

18. Материалы по истории русского освободительного движения 1941-1945 г.г. (Сб. статей, документов и воспоминаний). Под общей редакцией А.В.Окорокова. Выпуск 4. – М.: Архив РОА. 1999. – 568 стр.

19. Sven Steenberg. Wlassow. Verräter oder Patriot? Verlag Wissenschaft und Politik. Köln. 1967. 256 p.

20. Жуков Д.А Власовцы и нацистская пропаганда. Монография – М., 2000, – 40 с.

Последнюю книгу из этого списка я получил, возвратившись в Россию. Прослышав про мои интересы, знакомые люди старались помочь в поисках непопулярных изданий.

Так уж случилось, что в этот список не попали ценные свидетельства Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта (как вы скоро узнаете – капитана *абвера*, который «опекал» Власова) и Сергея Фрелиха (тоже прибалтийского немца, служившего при Власове), но любой список литературы и на любую тему всегда будет неполным, пусть исправление этого – и других – упущений станет темой самостоятельных усилий читателя.

А передо мной во всей полноте встал вопрос – что делать с полученными сведениями.

По-моему, самым несерьёзным и безответственным было бы решение приняться за изготовление собственного описания эпопеи Власова и «власовцев».

Присмотримся повнимательнее к списку. Нетрудно обнаружить, что он включает две группы исторических материалов: записки или пересказ воспоминаний действительных участников событий и результаты попыток их «научного» и лите-

ратурного обобщения.

Кавычки у прилагательного *научный* не случайны. (*Признание: использование этого знака – кавычек – мой постоянный грех. Мучаюсь условностью многих слов и выражений*). Они вовсе не являются знаком неуважения «*физика*» к трудам и достижениям «*лириков*». Любое произведение культуры неизбежно несёт на себе печать его автора. Даже, казалось бы, – «сухая» математическая заметка. Но во встретившихся мне опосредованных исследованиях «власовской» темы так явно присутствовал «субъективный элемент», что стоило больших трудов не отвлекаться от сути дела на невидимые споры с авторскими видениями предмета. Потом понемногу привык, и стал рассматривать каждую такую работу как источник излучения в ограниченном диапазоне частот. Надеюсь, что все они, вместе взятые, помогут нарисовать реальную картину. Или – получить объёмное изображение изучаемого предмета или явления. Как мне кажется, такая репродукция Прошлого лично для автора получилась. Но её бессмысленно пересказывать читателям: как только будет «выключен» свет хотя бы одного из первоисточников, многое или всё будет потеряно.

Насколько понимаю, до этого места заметок

«дошли» только самые терпеливые и заинтересованные люди. Мне остаётся всего лишь помочь им добраться хотя бы до части упомянутых выше текстов, чтобы дальше вести разговор не на уровне лозунгов (ими предлагается не заниматься совсем) или статей, вроде процитированной из БСЭ, а на более прочном основании знаний о событиях 1941-45 годов.

Технически выполнить такую работу – предоставить в распоряжение любого числа читателей полные «компьютерные» версии полдюжины книг – относительно несложно.

Однако при реализации предложения по распространению сторонних текстов нам не обойти подловатую тему ортодоксально понимаемого *авторского права*.

По моим представлениям, это право совершенно не учитывает принципиальной разницы в природе ценностей, относящихся к миру *вещей и предметов* и к совсем иному миру *знания*.

Если вы отдадите принадлежащее вам яблоко другому человеку, то требование чего-то взамен не вызывает сомнения. Но вот вы сообщили какие-то сведения ближнему (или «дальнему»). Если не учитывать усилия произнесения слов или передачи какого-то носителя с записями (впослед-

ствии возвращаемого), то сам источник ничего не теряет. И даже может кое-что дополнительно прояснить для себя в ходе сопутствующих объяснений. Никто не ставит вопрос о плате за чтение общедоступных книг, которые взяты в библиотеках. Равно как не оговариваются условия пересказа их содержания другим людям. Но как только на сцену выступают компьютерные средства обработки данных, которые делают такой «пересказ» абсолютно адекватным оригиналу и доступным практически любому числу пользователей, начинаются «вопросы».

«Бумажные» оригиналы скопированных мною книг выпущены тиражами не более нескольких тысяч экземпляров. В лучшем случае. А издания академических учреждений – всего по несколько сотен отпечатков не самого высокого типографского качества. Капля в море для такой страны, как Россия. Разумеется, и эти записки попадут в руки единиц, от силы – десятков людей. Возьму на себя грех нарушения пресловутого права. В крайнем случае – сяду в кутузку за несанкционированное распространение сведений о Власове и «власовцах», так как никаких штрафов с меня получить просто нельзя. Нет источника погашения.

Вернёмся к самим книгам.

На лазерном диске вместе с этими записками помещены копии нескольких книг из числа перечисленных выше. Каждую из них предлагается мысленно подержать в руках, обязательно прочитывать и обменяться минимумом комментариев. Увы, в виде монолога с моей стороны, никак не претендующего ни на высказывание «истин», ни на безапелляционные характеристики содержания публикаций и оценки самих столь разных людей, которые взялись за исследование нашей темы.

«Первичных» воспоминаний среди отобранных книг нет. Объясняется это просто ограниченностью объёмов скопированного материала. Естественно, предпочтение было отдано «обобщающим» произведениям. Придётся довольствоваться многочисленными цитатами и выписками «внутри» этих трудов, без которых не бывает «исторической» литературы.

Однако такое вынужденное ограничение круга источников, вовсе не означает пренебрежения ценности первичных свидетельств участников былых событий. Хотя и они, особенно записанные спустя много лет пожилыми людьми, вовсе не эквивалентны однозначным протоколам физических экспериментов.

Для меня понимание этого факта пришло при чтении объёмного произведения П.Н.Палия (почти 900 страниц, издано в России на средства автора). При всём уважении к инженерным и научным познаниям автора невозможно поверить, что в 1944 году, находясь среди участников немецкого проекта «V-2» в роли чертёжника, он ясно представлял себе, что такое атомное оружие и ракетные средства его доставки. Таких людей до августа 1945 года и послевоенного времени просто не существовало. Налицо часто встречающийся эффект «временной аберрации», когда нам кажется, что всё ясное сейчас было таким и прежде (давайте помянем ещё раз Андрея Петровича Белоброва).

Я нарочно привёл этот «научно-технический» пример, иные вы легко обнаружите сами. Причём чаще там, где авторы воспоминаний сами принимают за их обобщение.

Для читателей, которые решат самостоятельно заняться исследованиями вопроса, большим подспорьем будут списки первичных источников, в трудах некоторых специалистов-историков они содержат сотни наименований. При всём уважении к объёмам работы, проделанной учёными, со-

ветую держать ухо востро: простое накопление «первоисточников» вовсе не гарантирует качества сделанных на их основе выводов.

Это вам не метод статистических испытаний в математическом моделировании, где скрытые в глубине изучаемого явления закономерности обязательно «вылезут» на поверхность сквозь шелуху единичных наблюдений при увеличении числа опытов.

И ещё.

Постарайтесь быть внимательными к числам, которыми оперируют «лирики». В отличие от слов, которым можно придавать различное толкование, записи о размерах разных величин *однозначны*, и они чаще выдают враньё и неправду сочинителей, нежели иные символьные последовательности.

Например, для меня наглядным примером такого эффекта стали сведения о числе танков в 1-ой дивизии РОА – **11** (трофейные «Т-34», все они вроде бы и остались на Одерском плацдарме в первом же бою).

После знакомства и осмысления этой величины, высказывания разных людей о мощи Власовской армии (например: «1-я дивизия равна корпусу» и пр.) стал воспринимать спокойно.

Равно как и спокойно относится к упражнениям с операциями сложения над «историческими» величинами. Например, при подсчётах потенциальной численности воображаемых «русских» войск для войны против СССР в 1945 году. Но здесь я забегаю вперёд.

Итак, «первоисточники».

Как уже упоминалось, эту книгу [1] я прочитал первой. Неспроста на скачках или иных спортивных соревнованиях участники тянут жребий при выборе первой дорожки или права первого удара по мячу...

Вы знаете, потом были прочитаны другие книги, и все по несколько раз (попробуйте сами просканировать, распознать с помощью компьютера и повторно отредактировать хотя бы несколько страниц текста). И хотя никаких двух лиц генерала Власова я не усмотрел и постоянно оппонировал («не вслух») многим совершенно неприемлемым для меня идеологическим подходам автора к описываемым событиям, незаурядная эта книга задала «скелет» конструкции представлений по «власовской» теме.

Без колебаний решаюсь и вам представить её для чтения первой.

И пусть вас не смущает изображение лаковой обложки с упоминанием каких-то «военных тайн». Это просто дань нашему суетному времени.

Только не торопитесь.

Повнимательнее присмотритесь вместе с талантливым автором *какой* была Война и в 1941-м под Москвой и — особенно — в конце той зимы и весной 1942-го в «котле», куда попала 2-я Ударная

армия. Не в последнюю очередь, — стараниями всех наших «полководцев», начиная со Сталина.

И *какая* Армия противостояла немецким захватчикам.

А, в качестве безупречно выбранного Н.М.Коняевым репера, вдумайтесь в каждую фразу непосредственных воспоминаний *Ивана Дмитриевича Никонова* о гибели 2-ой Ударной (они «вставлены» в книгу).

Буквально.

Это вам не академические исследования сытых и находящихся в благоприятных условиях людей, о которых пойдёт речь ниже.

Я не способен спокойно перечислять любые отдельные фрагменты жуткой картины Войны для привлечения вашего внимания: «одежду» и «питание» бойцов, две обоймы патронов на каждого, горы трупов, ведро каши, съеденное за раз, не успевших подать ни одной команды офицеров и плохо понимающих русскую речь пожилых узбеков из пополнения, командира полка в составе семи (!) бойцов, да и немца-«кукушку», привязанного к своему последнему боевому посту.

И — для меня на первом плане — лейтенант-связист Ваня Никонов, который стреляет до последнего, если его поставили на позиции, и тянет

свои провода во всём этом кошмаре.

Как само собой разумеющееся...

После такого чтения должен проясниться смысл слов в описаниях деяний генералов: «взял город», «сдал армию немцам», «одержал победу» и пр.

Н.М.Коняев — дотошный человек. Неспроста началу предательства Власова уделена почти четверть объёма его сочинения. И потом, когда по ходу повествования Власов оказывается на той стороне фронта, Коняев также пытается вникнуть в ход и смысл его поступков, не гнушаясь любыми доступными деталями. Другое дело, что сведения о таких деталях уже имеют для нас иную ценность, чем те, что остались на нашей стороне Войны.

Как я понимаю, произведению Коняева только мешает то обстоятельство, что автор уверен в собственном абсолютном знании исторической истины. Справедливости ради заметим, что он старается не выставлять напоказ эту уверенность на каждой странице.

Так, проговаривается мельком, вроде характеристики послевоенного периода 1946-53 годов как самых обнадеживающих лет советской жизни. Написать подобное может только человек с весь-

ма специфическими представления об отечественной истории.

Не нашёл в Интернете сведений о возрасте Николая Михайловича, но от себя лично — на взгляд курсанта из казармы морского училища — могу свидетельствовать, что приведённое суждение крайне далеко от истины. Надежды, связанные с Великой Победой, были достаточно быстро растоптаны продолжением всё той же большевистской вакханалии террора, бесправия и нищеты подавляющей части населения.

И, если для вас малоубедительны мои сдержанные аргументы, перечитайте ещё раз «В круге первом» и другие книги А.И.Солженицына о событиях того времени.

Но мы условились не отвлекаться разговорами на подобные темы. Тем более, что похожая абер-

рация в изображении событий повторяется **буквально во всех** попавших в мои руки публикациях.

А посему оставим читателя наедине с первой книгой о Власове в надежде, что она будет с интересом прочитана **до того**, как мы двинемся дальше по тексту этих записок.

Хотя подождите.

Отвлекитесь от генералов и почитайте ещё раз вроде бы мало значащий казённый протокол допроса особистами шофёра Власова Николая Васильевича Конькова. В части его, оказавшейся у нас в конце 396-й страницы, из этого текста пахнуло таким сволочным презрением к нормальным людям, что даже на фоне всех помянутых выше ужасов Войны опять стало не по себе...

ЮРИЙ ФИНКЕЛЬШТЕЙН

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ:

*Тухачевский,
Власов
и другие...*

В отличие от книги тайного поклонника Сталина «православного» литератора Н.М.Коняева, работа проживающего в США бывшего нашего диссидента Ю.Е.Финкельштейна [5] претендует на охват куда большего круга явлений отечественной истории, чем только деятельность генерала Власова (хотя ей посвящена большая часть сочинения).

Проставленные в заглавии имена генералов (совершенно разных, похожим у них является только конец жизни), по замыслу автора, выступают средством обвинения нашего бывшего «вождя» на воображаемом Суде Истории.

Ох уж этот Суд.

Вряд ли ещё придёт случай, попробую объяснить на болезненную тему возможного суда над Лениным, Сталиным и большевизмом.

После Войны в Германии, кроме «больших» процессов, состоялось около ста тысяч (!) судов, посвящённых «денацификации» конкретных людей, совершивших те или иные проступки во времена «Третьего Рейха».

Сто тысяч.

У нас за преступления времён тоталитарного режима не ответил никто. В гласном, юридическом плане. Расстрелянные обер-палачи Ягода, Ежов и Берия получили своё совсем не за те дела, которые стоили соответствующего приговора.

Даже при повторных судебных разбирательствах, которые прошли в последнее время, они остались чьими-то шпионами, сторонниками каких-то иных «вождей» и пр.

Самые совестливые деятели нашего «коммунизма» в 1991 году пустили себе пулю в лоб да попрыгали из окон не первых этажей. Но таких людей оказалось — капля в море.

А расхлёбывать последствия придётся не одному поколению.

Все эти кратко перечисленные факты свидетельствуют против употребления знаков равенства между историческими явлениями, к чему сейчас объявилось множество охотников.

Например: **Нацизм = Большевизм (или «коммунизм» и т.д.)**

При всей любви к математической чёткости высказываний, формула совершенно неприемлема, так как переносит понятие равенства в ту область, где его *принципиально* не существует: жизнь и свойства отдельных людей и — тем более — их сообществ.

Однако этими высказываниями я забираюсь совсем не на то место, которое мне положено по уму и положению в обществе. И отступаю от принципа — абсолютно верить только тому, что видел сам.

Последние годы замечательным помощником в моих наблюдениях за Жизнью является цифровой фотоаппарат. Давайте, и на сей раз, прибегнем к его помощи...

При всей специфичности Новосибирского Академгородка, где я проживаю последние 40 лет, он (Городок) — частица России. И, думается, то, что попробую вам показать и рассказать, относится не только к смыслу жизни нашей научной «деревни».

Времена СССР с шумными организованными демонстрациями ушли в прошлое, но один святой день — 9 мая — отмечается у нас, как и прежде. Уже без всяких райкомов и прочего.

Движение на главной улице перекрывается, ветераны проходят по ней мимо вышедшего на улицу населения помоложе, которое дарит и бросает им под ноги цветы, фотографирует и снимает видеофильмы. Из рупоров звучит совсем не та музыка, которая привычна в общении с телевизорами и магнитофонами.

Многих людей с орденами и медалями, которые идут в колоннах под красными флагами, я знаю лично, каждый год замечаю изменения их числа и внешнего вида, и — с учётом собственного возраста — нажимать на кнопку камеры всё труднее и труднее. Всё же посмотрите, что получается:

2001 / 5 / 9 10:24am

2002/ 5/ 9 10:45am

2002/ 5/ 9 10:46am

2001/ 5/ 9 10:49am

2002/ 5/ 9 11:07am

Извините за «многословие»...

Однако на Празднике, даже в наше время, с балкона Дома учёных произносятся и речи. Как отмечалось, дело это без райкомов идёт в несколько хаотическом режиме. Выступающие – по чину – первыми руководители Сибирского отделения академии о Войне знают опосредованно, и слова их, как правило, носят формальный характер. Потом более эмоционально и с употреблением более естественных выражений говорят сами участники великих событий...

И вот, в этом году, после них к микрофону пробирается относительно молодой бывший преподаватель местного военно-политического училища (сейчас этого заведения уже нет) и начинает истерические славословия в честь «генералиссимуса»...

Как всегда, вместе со мной был морской товарищ помоложе – Валерий Александрович Цындренко, бывший инженер-механик атомной подводной лодки. В отличие от меня, – одетый в парадную форму капитана 1-го ранга.

Когда из громкоговорителей понеслись речи про «великого полководца», не сказав друг другу ни слова (матерщина осталась внутри), мы развернулись и пошли прочь из толпы.

И вот из этой самой толпы выскакивает плюгавый доктор химических наук и, тряся бородёнкой, начинает верещать, что он занесёт нас в соответствующие списки и прочее. Наверное, под воздействием «зажигательных» речей составитель списков несколько потерял ориентировку во времени.

Вижу – быть мордобоею: приятель мой – могучий человек с «горячим» характером. С учётом

престижа родного ВМФ, да и вообще, – неприятное дело. Сейчас уже не помню как, всё уладилось, мат из нас стал выходить наружу, когда рядом никого не было...

А вы, почтеннейший Юрий Евгеньевич (Финкельштейн), говорите про Суд Истории...

В довершение испорченного дня на глаза мне попала витрина нашего книжного магазина, полюбуйте на неё. А самые выносливые могут и познакомиться с выставленными книгами (замечание о терпеливости относится к сочинениям, что стоят слева, в начале экспозиции).

Слушайте, как всегда, я потерял нить основного повествования.

Вернёмся к работе Ю.Е.Финкельштейна. Пропустив (только в русле нашей темы) первые 108 страниц, в большей части относящиеся к довоенным и даже дореволюционным делам. Сосредоточимся на Войне и истории «власовцев».

Когда вы кончите знакомство со второй незаурядной книгой об их трагедии, не грех начать сопоставление обоих первых описаний.

Насколько я понял, они совпадают и в основном, и во многих деталях. Что неудивительно, так как оба автора добросовестно используют в большинстве одни и те же первоисточники. Но, и «невооружённым глазом», читатель сразу замечает некоторый «стереоэффект».

Одна составляющая базы (параллакса) для него очевидна – разные взгляды авторов (Н.М.Коняева и Ю.Е.Финкельштейна) по «национальному» вопросу.

И не только. Не так важно, что «американцу» доступны документы заокеанских архивов и беседы с уцелевшими свидетелями давних событий.

Чувствуется, что он уже находится на некотором удалении от наших страстей не только в географическом смысле. Хотя полностью оторваться от них человеку, родившемуся и прожившему лучшее время своего становления в России, невозможно (знаю, и не только по книжным справкам, что Ю.Е.Финкельштейн жил и учился в Харькове, а его друзьями были такие известные люди, как Лариса Богораз и Юлий Даниель).

Подобно Николаю Михайловичу Коняеву, и Юрий Евгеньевич в своём сочинении не обошёлся без опоры на стоящих людей. Один из них – Василий Новобранец (см. раздел 30. Подвиг разведчика, «американец» забыл упомянуть отчество) – стал и моим «святым». О другом моём герое – Николае Степановиче Бушманове (14. Враг двух господ) – разговор ещё впереди. Очень хотелось, чтобы подобное произошло и с другими читателями незаурядной книги Финкельштейна.

Вряд ли стоит заниматься перефразированием её многочисленных выводов, лучше, чем у самого автора это всё равно не получится. А посему дождёмся конца вашего знакомства с её текстом и перейдём к следующим «первоисточникам».

Vlasov and the Russian Liberation Movement

Soviet reality and émigré theories

CATHERINE ANDREYEV

Раз уж вместе с Ю.Е.Финкельштейном мы оказались в Америке, продолжим знакомство с нашей темой глазами исследовательницы из США с русской фамилией – Екатерины Андреевой. Сначала она написала диссертацию о Власове, а потом представила её широкой публике [10]. Нам – русскоязычным – в количестве нескольких сот экземпляров (точных сведений не обнаружил).

Происхождение книги легко прослеживается по обширному списку первоисточников, который впечатляет не только своими размерами, но и методологией классификации: перечислено десять (!) групп разнородных источников сведений. Часть из них – результат непосредственного общения автора с участниками событий, оставшихся в живых и оказавшихся на Западе. Замечу от себя, что «обработка» подобной лавины информации принципиально невозможна без привлечения интуитивных способностей мышления исследователя. Наверное, характеризовать лично не знакомую учёную даму с мировой известностью – неблагодарное дело. Но, для «внутреннего употребления», остались ключевые слова: история Власова и «власовцев» для неё – *события на восточном немецком фронте* (слова из предисловия к английскому изданию, 1986 год). А в тексте работы, для

обозначения того, что творили захватчики на нашей земле, вы найдёте слова «*дурное обращение*».

Но мы уговорились не обращать внимания на личное...

Тем не менее, часть работы американской исследовательницы, которая посвящена описанию фактических событий, происходивших с Власовым и его «движением», по существу ещё раз повторяет содержание первых двух книг, которые — надеюсь — уже прочитаны вами. Это — взгляд добросовестного иностранного учёного, хотя и сочувствующего нашим людям. Но — повторяю — от сочувствия до понимания пропасти, в которой мы оказались после 1917 года и перед лицом немецкого нашествия, говоря с использованием штампов, — дистанция огромного размера.

Поэтому предлагается более внимательно приглядеться к тому, как Андреева анализирует разные документы и декларации, которые сопровождали власовское «движение». Тем более, что некоторые составители этих бумаг (Д.Д.Галкин, Н.А.Норейкис-Троицкий и другие) имели непосредственные контакты с писательницей.

И в этом вопросе мне не обойтись без субъективных предварительных оговорок. Советское время выработало, наверное — не только у меня,

стойкое отвращение ко всяким декларациям, лозунгам и передовым статьям. Уж больно велика дистанция между этим идеологическим мусором и реальной жизнью. Посудите сами, что непосредственно можно узнать о нашей жизни на основе изучения текста «сталинской конституции» 1936 года. Позитивное знание может появиться **только после** сопоставления этого насквозь лживого листа с реальными фактами тогдашнего нашего существования. И в итоге окажется, что данный текст — всего лишь побочная иллюстрация методов большевистской пропаганды того времени.

Не могу отделаться от мысли, что многие документы власовского «движения» (а в каждой публикации о Власове они преподносятся нам как некое откровение) сродни этой «конституции».

Однако можно, как это делает Андреева, дистанцироваться от конкретных исторических условий, в которых разрабатывались разнообразные обращения, «открытые письма», пропагандистские материалы и манифесты. Тогда обнаружится, что люди, попавшие в безнадёжное положение между молотом и наковальней Истории, задолго до наших дней пытались найти ответы на животрепещущие вопросы отечественного развития. И каждый читатель — уже с «высоты» прошедших

лет – может оценить, насколько проницательными были составители всех упомянутых документов. Но это упражнение лежит несколько в стороне от нашей основной темы.

А, возвращаясь в 1944 год, сопоставим слова Власова на конференции в Праге («Россия – наша» и пр.) с тем, как вслед за этим немецкий генерал Кестринг указкой показал территорию к востоку от Урала для пояснения того, что следует понимать под этими словами. Впрочем, ни немец, ни его слушатели уже не имели никакого реального отношения к будущему: Война катилась на запад от наших границ.

Примерно то же можно сказать про упражнения дабендорфских «теоретиков» относительно России «без большевиков и капиталистов» и так далее, сопоставляя эти схемы с реалиями сегодняшней жизни.

Сказанное вовсе не умаляет значения результатов, полученных Е.Андреевой в её работе. Нарисованная ею панорама подходов к «идейной» стороне власовского движения, да ещё на общем фоне послереволюционной эмигрантской общественной мысли, безусловно, впечатляет.

Однако, знакомясь то с одной, то с другой умо-зрительной схемой спасения России, постоянно

ловил себя на мысли, насколько все эти построения могли стать действительным руководством для действий значительных масс людей. Увы, как показывает исторический опыт, – не могли.

В этом месте заметок позволю себе высказаться о соотношении и месте «сухого теоретического» знания в общем мироощущении людей (естественно, сужу только по себе).

Чтобы не пускаться в сложные рассуждения, один пример.

Сравните описание Сергея Кузьмича Буняченко у Андреевой – «...но дальновидность его не простиралась за пределы тех военных заданий, которые на него возлагались...» – с реальной картиной жизни бывшего командира 389-ой дивизии, который попадает в штрафбат, бежит к немцам, командует единственной боеспособной частью власовских войск, самовольно, уже не оглядываясь на Власова, уводит её из боёв с нашей армией и, наоборот, бросает в бой с немцами на улицах Праги – действия, мотивировка которых совершенно не поддаётся разумению «западных» людей.

И слова напоследок: «Надоело мне бегать...».

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ИНРИ

Под общей редакцией А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Genevieve, 75005
Paris

И. ХОФФМАНН

ИСТОРИЯ ВЛАСОВСКОЙ АРМИИ

Перевод с немецкого Е. Гессен

ПАРИЖ • 1990

Computerized Typesetting by Gessen Book Electronics, Newton, MA, USA World

© 1986 Rombach Verlag Traduction russe

© 1990, by The Russian Social Fund for

Persecuted Persons and their Families

ISBN 2-85065-175-3

ISSN 1140-0854

Обложка труда немецкого военного историка Хоффманна [12] показалась мне совсем непредставительной, и на её место решил поместить точное изображение заглавной страницы. К слову, это будет больше соответствовать «духу», данного произведения, для эмоций в нём вроде бы совсем не оставлено места.

Правда, в начале текста немец что-то говорит про уважение к русскому народу, но это — оговорка умного человека, который, на самом деле, не может не знать, что он делает: поначалу может показаться, что просто профессионально аккуратно коллекционирует «бумажные» факты. С немецкой педантичностью.

«Обижаться» на это бессмысленно. Но кафкианские ощущения, которые уже посещали нас при ознакомлении с документами и декларациями Власовского «движения», в труде Хоффманна получают мощнейшую подпитку.

Например, «Глава 4. Военно-воздушные силы РОА» – это про эскадрилью во главе с «генерал-майором авиации» Мальцевым, которая занималась доставкой русских диверсантов абвера в наш тыл. Однако ни об этих, ни о каких-то других реальных боевых действиях на 23 страницах текста означенной главы практически ничего не говорит-

ся. Совет: повнимательнее присмотритесь и к самому пересыпанному цифрами и деталями тексту, и к списку первоисточников, на основании которых он составлен. Например, к тому факту, что у 19 из 53 библиографических ссылок данной главы один автор. Откровенные небрежности в описаниях и прямые несоответствия действительным фактам обнаружились и в других местах объёмного сочинения. Но, кажется, я взялся за несвойственную мне работу оценки достоверности исторических исследований, ведь был уговор не делать этого.

И, чтобы ещё немного вернуться на грешную землю, попробуйте сравнить строго расчерченную картину формирования РОА (ей посвящены первые 5 из 15 глав) с реальностями в описании П.Н.Палия [17] (он был начальником штаба подразделения материально-технического обеспечения в формируемой 2-ой дивизии). Знакомая картина отечественного всеобщего беспорядка: командир части сутками пьянствует напропалую, ничего вовремя не делается, казарма переполнена невесть откуда взявшимися женщинами и так далее.

Однако немец неоднократно выходит и за временные рамки существования своего основного

объекта (Хоффманн, в основном, разбирает период с ноября 1944 года до конца Войны, только к нему относится официальная история «войск КОНР») и описывает множество других исторических событий. В следующих главах, с 6-й по 12-ю рассматриваются собственно действия РОА, в подавляющей части – её конец, а в последних (13-15) автор уже совсем теряет спокойный академический тон повествования и просто переходит на сплошную пропаганду.

При ознакомлении с этими текстами во многих случаях приходится просто разводить руками. Получается, как в крылатой фразе Е.С.Вентцель: *«...вроде бы всё было, и – в то же время – ничего не было...»* (пояснение для не знакомых с первоисточником – повесть «На испытаниях», речь идёт о советских магазинах).

Присмотревшись повнимательнее, понимаешь, чего нет в работе Хоффманна, – факта немецкого нашествия, его целей и методов их претворения в жизнь. «Мелочь», которая напрочь портит всю научную обедню.

Извините, у меня и в мыслях не было обидеть иностранного учёного.

Хотя, когда, например, при объяснении причин массовой гибели советских военнопленных без

оговорок (и не моргнув глазом) воспроизводится тезис документов гитлеровской поры, что все советские солдаты попали в плен в состоянии крайнего истощения (*в прилагаемой распечатке – см. стр.120*), то есть их и так уже уморили «большевики», чего нам особенно волноваться, – беспристрастно воспринимать такие научные упражнения не хочется. Так и хочется подсказать учёному «фрицу»: «Раз уж вы приняли сей тезис, задумайтесь, с чего бы советские солдаты отстреливались от вас, не жравши сутками».

Извините за отход от рафинированных выражений.

Тем не менее, что мы там говорили про источники излучения в разных диапазонах частот. Наберитесь терпения и почитайте, как трагедия прошедшей Войны глядится через призму сохранившихся бумажных документов и представлений «западного» человека. По существу, вы обнаружите в работе Хоффманна большинство всё тех же фактов, которые уже известны по предыдущим книгам. Но тональность в их освещении приводит к таким эффектам, что иной раз диву даёшься, как всё это терпит «научная» бумага.

А про душу иностранца можно забыть, в своей бы разобраться.

ВЛАСОВЦЫ И НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА

Раз уж мы вместе с Хоффманном забрались на поде пропаганды, да ещё её худших образцов, которые использовали *оба* тоталитарных режима, почитайте дополнительно небольшую книгу Д.А.Жукова [20]. Заодно получите прививку против заразы, что и сегодня в изобилии поступает к нам из так называемых СМИ, прогресс технических средств этого дела не сильно поменял его неприглядную сущность.

А приёмы стары, как мир: умолчание или лживое освещение одних фактов (с «точностью наоборот») и наглое педалирование других. Как правило, сопровождающееся разгулом бескультурия: ложь и распущенность в словах, заведомо ориентированы на невежество читателя (и зрителя) и его нежелание самостоятельно разобраться с каким-то явлением.

Заметим, что спокойный тон описательной части исследования Д.А.Жукова (он не валит всех идеологических работников, сотрудничавших с немцами, в одну кучу) резко контрастирует с иллюстрациями. Посмотрев на пропагандистские «произведения» шестидесятилетней давности, ещё раз наглядно представляешь себе, какой в реальности была Война.

Н.С.Бушманов (1977 г.)

Очерк о Николае Степановиче Бушманове скопирован из исследования А.В.Окорокова [18], который специализируется на истории «русского освободительного движения».

А впервые узнал про незаурядного человека давно, когда «болел» книгой Д.Гранина «Зубр»: она тоже примерно на нашу тему, и, если помните, сын Тимофеева-Ресовского – Фома – погиб, помогая группе Бушманова.

Большую часть работы Окорокова составляют цитаты из протоколов нашей контрразведки и политической полиции того времени, и «стиль» этих бумаг неизбежно первым попадает в поле зрения читателя, вызывая соответствующую реакцию. И вам опять придётся тщательно сортировать разные иносказания и откровенные искажения, чтобы добраться до сути описываемых событий из жизни замечательного человека, каким был Н.С.Бушманов. Неспроста не одному мне показалось, что его история весьма показательна для характеристики власовского «движения».

Ну вот, закончилась тягостная процедура достаточно подробного знакомства с одной из самых трагичных страниц теперь уже давней Войны. Наверное, пора подводить кое-какие итоги.

Надеюсь, большинство читателей после этого знакомства за версту будет обходить «простые» описания любых совсем непростых исторических событий.

А нам с вами пора приниматься за подведение некоторых «итогов».

Не суди, и не судим будешь...

Как уже упоминалось, работа над этими заметками продолжалась долго, более двух лет. За это время не один мой знакомый просматривал имеющиеся наброски. И многие из друзей, самые нетерпеливые, откровенно упрекали непутёвого автора в том, что он всё «виляет» и не режет правду-матку напрямую.

Замечу, что особого ума или смелости для подобных действия сейчас не требуется: поезд Истории давно ушёл, и бумага всё терпит. Например, написание «формул», вроде той, что изображена в этих заметках на 16-ой странице.

И «по уму» давным-давно всё сказано.

Например, в 1945 году лейтенантом Кларком, сыном одного из крупнейших американских генералов Марка Уэйна Кларка:

*«Я и мои коллеги являемся представителями интеллигентных американских кругов. Мы многое понимаем, чего не понимают так называемые "средние" американцы... Мы сочувствуем вам, но, при всём нашем добром желании понять вас, мы всё же вас не понимаем и не поймём никогда. Мы понимаем, что вы противники существующего ныне в России политического строя; мы признаём за вами право борьбы за изменение этого строя. Более того, мы, быть может, одобряем вашу борьбу, но мы не понимаем и никогда не поймём, почему вы, русские люди, пошли против своей страны в то время, когда она вела неравную борьбу против внешнего врага? Все ваши доказательства и разъяснения мы принимаем и согласны, что у вас не было иного выхода, что вы желали выступить как "третья сила", но всё же и в этом случае вы не имели права пойти против своих, и в этом смысле ваши разъяснения звучат для нас неубедительно. **Вы могли бороться до войны, должны были бороться после войны, но не во время войны.** Вы носите немецкую форму, име-*

те немецкое оружие, получаете от немцев деньги, ибо ваши т. н. "договорные" отношения с немцами пустая фикция, и вы сами это отлично знаете. Вам трудно разобраться во всём этом, но мы ведь знаем, что ваши же русские, с таким же значком, какой есть у вас ("РОА"), сражались против нас на западе. Простите нас за откровенность, но мы вашей линии поведения не понимаем и с нею категорически не согласны...»

Однако, при всём уважении к искреннему и умному американцу, это всё-таки «арифметика».

По моим понятиям, «судьёй» человеку может быть только тот, кто, образно говоря, побывал в его шкуре, то есть – как минимум, находился в тех же жизненных ситуациях, что и «подсудимый».

И в этом смысле для меня достаточен плевок, которым наградил Власова также бывший с ним рядом в немецком плену генерал-лейтенант Павел Григорьевич Понеделин в ответ на предложение присоединиться к «движению». Без какого-то злорадства и ненависти к беспутному Власову. Всё прошло.

И, пока мы не двинулись вперёд в своих размышлениях, несколько слов в память о генерале Понеделеине.

Когда происходило объяснение с Власовым, вся наша армия, и – уж, безусловно, стараниями немцев, сам пленный генерал – знали содержание приказа Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года:

... Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией (на самом деле, группой из 6-ой и 12-ой армиями – В.Б.), попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, трусился и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги...

И Судьи Военной коллегии Верховного Суда СССР, пренебрегая отсутствием доказательств, на основании формулировок того же приказа заочно осудили (13 октября 1941 года) Понеделина П.Г., определив в качестве меры наказания расстрел. Тут же сработала машина преследования – пострадали жена и совершеннолетние дети Понеделина.

29 апреля 1945 года в числе других пленных генерал был освобождён американскими войсками.

Понеделину предлагали службу в армии США, но он отклонил это предложение.

3 мая 1945 года всех бывших военнопленных генералов доставили в Париж и передали советским представителям. Затем их отправили самолётом в Москву. Какое-то время они жили свободно, носили положенную генеральскую форму и ничего не знали о своих семьях. Видимо, в отношении их проводились мероприятия спецслужб, но заочный приговор Военной коллегии Верховного Суда от 1941 года в исполнение не приводился. Вообще о нём помалкивали, его как бы не существовало.

Арестовали Понеделина только 30 декабря 1945-го по постановлению начальника следственного отдела ГУКР «СМЕРШ» генерала Леонова, санкционированному начальником ГУКР «СМЕРШ» В.С. Абакумовым и Главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Н.П.Афанасьевым.

Фактически на основании приказа Ставки № 270 были возбуждены новые уголовные дела, но без ссылок на этот приказ и с умолчанием о наличии уголовного дела с заочным приговором о расстреле. Оба этих документа по-прежнему оставались как бы за кадром. Генералов водворили в Сухановскую тюрьму особого режима.

20 августа 1950 года «по новым обстоятельствам», которых фактически не имелось, по заключению ГВП, Военная коллегия отменила свой заочный приговор от 13 октября 1941 года, Понеделину (по новому делу) объявили об окончании следствия (без предъявления дела за 1941 год), а 25 августа всё той же коллегией, теперь уже очно, вновь приговорили к расстрелу с немедленным приведением приговора в исполнение. Генерал признал, что в бою попал в плен. Суду этого было достаточно.

Из собранных следствием и судом материалов очевидно, что подсудимый невиновен, но грозный приказ Ставки № 270 делал его таковым, и ни у следователей, ни у судей не хватило мужества хоть как-то протестовать.

После смерти Сталина ГВП было проведено настоящее расследование вновь открывшихся обстоятельств, и всё та же пресловутая Военная коллегия Верховного Суда СССР в феврале 1956 года приняла определение о реабилитации загубленных политическим произволом верных сынов Отечества. Вскоре были реабилитированы их жёны и дочери...

Переписал я все эти суховатые справки, и при всей ясности, что при упоминании Сталина и

большевиков ни о какой морали и справедливости говорить просто не следует, опять стало обидно и скверно.

А – в плане нашей главной темы – также ясно, что никакой честной «торговли» с Историей и другими сложными материями, видимо, не бывает.

Последний раз возвращаясь к Власову, следует сказать, что по совокупности многих факторов, которые сопровождали историю его «движения» понятие «власовец» стало нарицательным.

Вспоминаю как полвека назад очень уважаемый мною моряк нашей лодки Володько (он был родом из Минска и пережил там оккупацию) рассказывал, как в столице Белоруссии перебили евреев.

...Что Вы, товарищ лейтенант. Немцы только стояли в оцеплении. Всё делали «власовцы»...

Как вы уже знаете, в 1942 году ещё никакими «власовцами» и не пахло.

А слово и память остались.

Похоже – надолго.

Но вот ведь какое дело. Имя «генералиссимуса»

также накрепко прилипло к событиям Великой Отечественной. И тут уж никакие рассуждения о сослагательном наклонении не помогут.

Скоро минет 60 лет, а всё помнятся интонации, с которыми вещал вождь в 1945 на приёме командующих фронтами после Парада Победы:

...Победил наш общественный и государственный строй...

Запало навсегда.

И сейчас, спустя множество лет, не похоже, что мы отделаемся от этой скверны.

Среди самых дорогих реликвий у меня хранится искалеченная медаль «За Победу над Германией», которую подобрал на улице среди какого-то мусора. Наверное, не помнящие родства потомки неизвестного Солдата, выбросили её, никак не понимая, что они делают.

При случае я беру в руки маленький латунный предмет и пытаюсь вообразить незнакомого человека и его дела, которые закончились этой наградой.

А на лицевую сторону медали смотреть не люблю из-за профиля «вождя».

Хотя слова там выбиты правильные.

...В подмосковной Фоминской школе, где прошло мое детство и годы Войны, кроме двух учительниц (одинокая заведующая Анна Васильевна Курова и моя маманя), проживало семейство Логиновых: дядя Андрей – раненый солдат Первой мировой, он числился истопником, уборщица тётя Дуня, и двое их сыновей: Ананий и Витька. Все они ютились в маленькой комнате за кухней с большой русской печью, общей на все три таких семейства.

По возрасту Ананий был чуть постарше Зигмунда. На моей памяти он работал в Электростали на металлургическом заводе, а в 1939 его призвали на военную службу и отправили в Бесарабию, которая тогда была возвращена в состав СССР.

Это был тихий спокойный парень, жизнь его проходила по нелёгкому распорядку – каждый день поездки на двух паровиках (примерно полтора часа в каждую сторону) и восемь часов рабочая смена. Девушки у него не было, и по воскресеньям он отводил душу в общении с любимой природой, чаще всего – в окружающих нашу деревню лесах. Кроме того, занимался заготовкой кротовых шкурок и не раз брал меня с собой в походы с капканами по плохо заметным с поверхности норам. Потом за рекорд в этом деле – сто шкурок –

заготконтора премировала его двумя кроликами, так я впервые познакомился с этими зверьками, которые сыграли немалую роль в моей дальнейшей жизни.

С началом войны писем от Анания не было, объявился он у нас только в лютый мороз, уже после октябрьской паники (речь идёт о вспышке бегства из Москвы, жестоко пресечённой властями). Дело было уже под вечер, а утром кончался срок короткого отпуска. На Анании было какое-то рваньё, кишмя кишевшее вшами (всё пришлось сжечь). Я впервые увидел паразитов в таком количестве, хотя уже был знаком с их свойствами, обрабатывался керосином и стрижен наголо.

Плачущая тётя Дуня тут же вскипятила в большой печи чан воды, наш герой помылся, переделся в чистое и поел. Всё население школы, включая заведующую Анну Васильевну, маманю и меня, при этом тоже находилось на кухне (это была наша кают-компания). И одновременно со всеми этими мероприятиями, под аккомпанемент плача тёти Дуни и периодического покряхтывания дяди Андрея, Ананий рассказывал историю своих злоключений...

После разгрома их части тяжёлой артиллерии в самом начале войны, он пробирался на восток к

своим. Вначале это проходило без особых препятствий: в тылах быстро наступавших немцев царил изрядный беспорядок. Однажды Ананий с товарищем даже ночевали в одной избе с немцами, свои стриженные головы они объясняли расхожей байкой, что мол бежали из тюрьмы. Но скоро эта вольница закончилась. Где-то в районе Курска беглецов переловили, сформировали из них колонну и погнали в лагерь. На одном из переходов примерно 300 человек загнали в стоящую на отшибе большую ригу. Сначала больше суток не давали воды и пищи, а потом издевательски бросили голодным людям селёдки и опять без воды. Наиболее решительные пленные – среди них и Ананий – усвоили этот наглядный урок политграмоты, в первую же ночь разобрали соломенную крышу и сбежали, сопровождаемые стрельбой охраны. Наверное, в давнем рассказе были и другие детали, но я пишу то, что запомнил на всю жизнь.

А в тот памятный день ноября 1941 года командир отпустил Анания только до утра, шло переформирование, впереди было контрнаступление под Москвой. Узнали мы о нём из бумажного рупора радиотрансляции. А от Анания ни писем, ни каких-то других вестей и даже похоронки не было.

Дядя Андрей вскоре после этого умер, тётя Дуня разом состарилась, но это уже другая история.

Когда какие-то люди говорят, что никакой Великой Отечественной Войны не было вовсе, или хоть на йоту пытаются оспаривать факт этого события, разговаривать мне с ними просто не о чем.

Другой разговор, что это явление истории выглядело совсем не так, как его малевала и малюет лживая пропаганда: с выпячиванием «вождей», «полководцев» и «героев», закрывая глаза на множество кровавых преступлений того времени, в том числе, – творимых не только немецкими захватчиками.

И миллионам бесконечно дорогих мне «советских» людей нужно было не потерять истинную дорогу во всём этом кошмаре.

Что они и сделали.

Только не подумайте, что решение подобных задач минует каждого из нас. Конечно, смертельной угрозы такого вселенского масштаба, как в 1941-45 годах, по счастью, уже нет.

Однако, как нам сказал поэт:

...но всё же, всё же, всё же...

2001 / 5/26 8:32pm

Давным-давно, в страшном 1942 году, я впервые услышал из бумажного рупора радиотрансляции гениальные звуки Второго концерта Рахманинова. Будучи совершенно несведущим в мире музыкальной культуры, да и просто не зная даже имени композитора.

Потом, конечно, узнал подробности его жизни и моральную позицию во время Великой Войны. Не до конца, так как всё время думалось, что Концерт – прямой отклик на события немецкого нашествия.

И был поражён, уже в наши дни, узнав, что произведение написано девятнадцатилетним человеком, ещё ничего не знающим о том, что «революция» выгонит его с Родины и заставит мучиться за неё на чужбине в лихую годину...

Если вы читаете эти заметки с помощью компьютера, найдите на лазерном диске файл с Концертом, нажмите кнопку и прослушайте произведение ещё раз.

Лучше – «отключившись» от суеты обыденной жизни.

А потом подумайте о своей «петле Мёбиуса».

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
. Новосибирск. 2003
E-mail: brys@math.nsc.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*